

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР:
ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ЧЕРТЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ КАРТИНЕ МИРА
(по материалам юридических памятников письменности Древней Руси)**

Захир АСАДОВ,
кандидат филологических наук

*И слышу я знакомое сказанье,
Как Правда Кривду вызвала на бой,
Как одолела Кривда, и крестьяне
С тех пор живут обижены судьбой.*

Николай Заболоцкий

В современной лингвистике ярко проявляется тенденция к антропоцентрической модели изучения языка через призму сознания его носителей и выделения в языковых объектах знаков этносоцио-культурного пространства. **Язык справедливо по нимается как культурный код нации** (что доста точно ярко проявляется при изучении истории и исторической грамматики русского языка в нерусской аудитории), а не просто как средство коммуникации. **Застывшее в истории языка знание стано вится значимой и действенной силой, когда со отнесено культурно и духовно с учетом мента литета языка изучаемого этноса.** Так, Э.А. Гашимов пишет: «Язык - сокровищница (лат. thesaurus) этнокультуры... Но за знаками языка стоят прежде все го феномены не только родной, но и иноэтнической культуры»¹.

В настоящее время у нас мало сведений о законодательном процессе Древней Руси. Все законодательство Киевского государства - это акты княжеской власти, что естественно в условиях монархии. Но следует особо отметить то значение, **ко торое придавалось в древнерусском законодательстве нормам семейного и обычного права**, которые отчасти отражены в княжеских уставах Древней Руси. Эта сфера регламентировалась главным образом нормами канонического права. С введением христианства на Руси церковь в корне изменила нормы семейного права, о чем можно судить по юридическим памятникам письменности XI-XV вв.: на смену языческим формам вступления в брак («умыкание у воды» и т.д.) и полигамии пришел церковный брак с его моногамией, затрудненностью развода и пр. Так, в Уставе князя Ярослава (Пространная редакция по списку XVI в.) впервые вводится статья, не имеющая аналогий в прежних юридических документах Древней Руси, о запрете местным девушкам вступать в связь с представителями восточных религий, жившими на Руси. В статье 9 синодальной редакции Устава князя Владимира Святославича (из списка синодального извода XIV в.) отмечается: «*А се церковный суди: распуст, смилное, заставанье, пошибанье, умычка, промежи мужем и женою о животе...*».² Данная статья содержит перечень поступков, расцениваемых с точки зрения церковного права как преступления. Ср. также: «*А се суды церковныя: распусты, смилное, заставание, умычка, пошибание, промежи мужем и женою о животе и о бездетном животе...*» (Новгородский Устав великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах по Археографическому списку из Архангельского извода II пол. XIV в.; статья 9); «*Дал есмь: распусты, смилное, заставание, умыкание, пошибание, промежи мужем и женою о животе, или о племени...*» (Устав князя Владимира Святославича по Оленинской редакции из списка Архангельского извода I пол. XVI в.; статья 9); «*Аже кто умчит девку или насинить, аже боярская дщи, за сором ей 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота...*» (Устав князя Ярослава по Краткой редакции из списка Кормчей I чет. XVI в.; статья 2) и др. Все эти статьи направлены, как видим, против языческого (тюркского!) брачного обычая «**умыкания невесты (уводы)**». В этом отношении Б.А. Рыбаков отмечает, что даже в «Повести временных лет» описаны языческие обычаи славян, в том числе и «умычка», являвшаяся обычной формой вступления в брак, которой предшествовала предварительная договоренность жениха с невестой. Между прочим, эта традиция сохраняется у тюркских народов и поныне.

Существовавшая в Древней Руси дохристианская брачная традиция «умыкания» невесты имела как добровольную, так и насильственную форму. Согласно княжеским Устам Древней Руси XI-XVI вв., **добровольное похищение приравнивалось к насильственному по тем последствиям, которые наступают для жениха, а на женщину возлагалась роль союзницы церкви в борьбе с языческими**

¹ Гашимов Э.А. Культурный код как знаковая система (лингвистический взгляд) // Материалы Международной научной конференции «Тагиевские чтения» (1-2.06.2006). Баку, 2006.

² Здесь и далее ссылки на древнерусские тексты даются по: Российское законодательство вв. Т.1. Законодательство Древней Руси (п ред. В.Л. Янина). М.: ЮЛ, 1984.

обычаями: в любом случае женщина получала вознаграждение, равное сумме штрафа в пользу епископа. Стало быть, таким путем церковь ставила задачу воспитания новых, национальных психологических установок, которые способствовали бы распространению христианства на Руси. «Известная гипертрофия туранских (древнетюркских - З.А.) психологических черт вызвала в русской набожности косность и неповоротливость богословского мышления, и от этих «недостатков» надлежало избавиться»³. И церковь всячески старалась избавиться: она вела тайную борьбу с иноверной (тюркской) культурой, чтобы не допустить выхода народных масс из-под своего влияния. Кстати, слово «*умчить*» означает «похитить для вступления в брак», а «*умычница*» - «соучастница похищения».

Контактируя с инокультурным текстом, исследователь языка воспринимает его через призму собственной культуры, чем в основном и предопределяется непонимание специфических феноменов незнакомой культуры. Поэтому иногда необходим такой понятийный инструментарий, с помощью которого можно было бы выявлять и исследовать трудности, возникающие в процессе изучения внутритекстовых инокультурных концептов. Такой инструментарий необходим также для описания национально-культурной специфики двух лингво-культурных общностей, исторически контактирующих друг с другом. При сопоставлении лексики двух различных языков используются, например, термины «безэквивалентная лексика» (Л.С. Бархударов), «лакуны» (Ю.Н. Караулов), при сопоставлении грамматических систем говорят о «случайных пропусках» в языковых моделях (Ч. Хоккет). Но существуют и текстуальные «темные места» с национально-культурными элементами, «препятствующими» общению двух культур. В таких случаях, к примеру, Г.Д. Гачев пишет о «заусеницах», которые «задираются» в процессе межкультурной коммуникации⁴.

Л.А. Шейман и Н.М. Варич, исследуя национально-культурное своеобразие определенного этноса в одном историческом социуме, пользуются понятием *этноэидема* - «сквозного образа национальных картин мира и традиций различных этнических общностей, отраженных в языковом материале»⁵. Последний термин нам представляется наиболее приемлемым, так как он дает возможность непротиворечиво исследовать языки и культуры с помощью одного терминологического инструмента.

Приведем пример. В Пространной редакции Устава князя Ярослава (из списка основного извода I пол. XVI в.) отмечается: «*Ащекум с кумою блуд створишь, митрополиту 72 гривен, а опитемии указа ние от бога*» (статья 13); «*Аще кто с сестрою блуд створить, митрополиту 40 гривен, а во опитемии указано по закону*» (статья 15); «*Аще ближний род поиметься, митрополиту 40 гривен, а их разлучити, а апитемию примуть*» (статья 1 б) и др. Подобного содержания статьи фиксированы нами и в Краткой редакции Устава (из Кормчей I чет. XVI в.), отличаясь лишь денежными единицами штрафов. На первый взгляд кажется, что эти нормы права не требуют каких-либо комментариев. Но с точки зрения наличия древнетюркских этноэидемов эти статьи нуждаются в конкретном анализе. Дело в том, что **статьи 12, 14-15, 19, 21-22 Краткой и 13, 15-16, 24, 28-29 Пространной редакций Устава, оговаривающие санкции за половые сношения в кругу кровных родственников, духовных родственников (!) и свойственников, восходят к древним тюркским «торе»** (т.е. исторически и традиционно установленным нормам поведения). Как видим, связь с родной сестрой и брак между близкими родственниками наказывались в Древней Руси высшей ставкой штрафа, равной вдове; брак между близкими родственниками объявлялся недействительным, и виновные должны были нести епитимью. Отметим, что по древним тюркским обычаям родство между желающими вступить в брак исчислялось «*дирсеками*» (т.е. коленами; ср. выражения во многих тюркских языках «*bir neçä köynäk aralı*», «*bir neçä dirsäk aralı*» - «отстоящий на несколько ру башек/локтей» в значении «дальний родственник») - числом родственников в генеалогической линии от жениха вверх к общему предку и далее вниз к невесте. Весьма интересно, что и на Руси, по нормам, скажем, Устава о брацах, сохранившегося в русских списках Кормчих XIII-XV вв. и в Мериле праведном XIV в., который восходит к XI в., как и по соответствующим византийским нормам, до конца X в. подобные браки, хотя и приватно, допускались, а с конца X в. браки были официально разрешены только между родственниками не ближе 7 и 8 колен, т.е. между четвероюродными братом и сестрой. Кроме того, запрещалось двум братьям или сестрам брать в качестве супругов лиц, бывших детьми одних родителей или тех, кто приходится друг другу тетей или дядей и племянниками⁶.

Мы считаем, что **эти нормы семейного права, возникшие в глубокой древности у кочевых тюркских племен, призваны были сохранить популяцию от вырождения** вследствие суженного объема генетической информации, поступающей потомкам от близких родственников, и накопления у них отрицательных признаков. О том, что эти нормы права были заимствованы из тюркских обычаев, говорит тот факт, что их внедрение в законодательство Древней Руси носило нестандартный, порой «загадочный» характер. Так, в статье 23 Краткой редакции Устава отмечается: «*Аже два брата будут со одиною женкою, епископу 100 гривен, а женка в дом*». Данная статья предусматривает ситуацию, прямо

³ Гачев Г.Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. М., 1967, №1, с.82.

⁴ Шейман Л.А., Варич Н.М. О «национальных картинах мира» и об их значении для курса русской литературы в нерусских школах // Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе. Фрунзе, 1976, вып.6, с. 44.

⁵ См. подробно: Русская историческая библиотека. Т. VI, Пг., 1920, стб. 143-144.

⁶ См. подробно: Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI-XIV вв. М., 1972, с.136-150

противоположную той, которая отмечена в статье 20 той же редакции Устава: *«Аще кто с двумя сестрами надется, епископу 30 гривен»*. Отметим, что 100-гривенный штраф, налагаемый на братьев, вступивших в связь с одной и той же женщиной, вероятно, должен был бы делиться между ними по полам. Но и в этом случае получается ведь большая сумма, чем в случае, предусмотренном статьей 20 (лишь в списке Академического извода штрафы плохо сопоставимы, поскольку в одном случае за единицу измерения берется золото, а в другом – серебро). Очевидно, что законодатель стремился преодолеть соперничество мужчин более суровыми санкциями, чем соперничество женщин. Но по казально, что и в том и в другом случае штраф налагается именно на мужчин. Женщина, вступившая в половые отношения с двумя братьями, заключаясь в церковный дом; судьба же двух сестер, вступивших в близость с одним мужчиной, **законодательством не раскрывается**. Сравнение статьи 23 так же со статьей 21 (*«Аще девер с ятровью надется, епископу 30 гривен»*) заставляет все же провести не обходимые разграничения. И в той, и в другой статье регулируются отношения между двумя братьями: в статье 21 один из братьев вступает в половые отношения с женой другого брата, а в статье 23 два брата одновременно *«блудят»*, как сказано в нескольких списках (!), *«со одиною женою»*, не являющейся супругой ни одного из них. При этом во втором случае, что выглядит парадоксальным, штраф для каждого брата выше, чем штраф для одного из них в первом случае. Очевидно, что случай, предусмотренный в статье 23, расценивался древнерусской церковью как более опасный. Почему? Единственное объяснение – неверное внедрение древнетюркских норм в систему права Древней Руси⁷.

Как видим, схема истолкования данных норм права обусловлена механизмами восприятия на родной памяти как родной, так и чужой древнетюркской культуры. Рассмотренные статьи вводят особый тип детерминации, для которой актуальное в данный исторический период национально-культурное своеобразие оказывается в зависимости от следов былых инокультурных элементов и их проекции в будущее. Вот почему древнерусский законодатель в этой «проекции в будущее» иногда допускал необъяснимые с точки зрения современной ему системы древнерусской юриспруденции и с позиций адаптации к инокультурному пространству «неправильные» нормы и санкции в области семейного права. Иначе говоря, **эти моменты оказались под влиянием инокультурных традиций и нравов, не совсем адаптированных древнерусским законодателем**. С другой стороны, данное положение предполагает значимость двух лингвокультурных программ для двух национально-культурных систем. Это воспроизводство определенного инокультурного образца, эталона, норм поведения и программа выбора стратегии из многообразия вариантов инокультурного наследия⁸.

С другой стороны, что весьма важно, запрет на кровосмешение очень ярко проявляется в тюрко-огузском эпосе *«Китаби-Деде Коргод»* (XI в.). К.Абдулла об этом писал: *«Вхождение в культурную среду, отрыв от природы характеризуется еще и предотвращением такого «хаотического» процесса, как кровосмешение. Если исходить из того, что кровосмешительство является силой, изнутри разрушающей не только семью, родовой строй, но и племенное сообщество, станет понятна причина борьбы Мифа с этим явлением... Запрет на кровосмешение проявляется в Дастане как глухой отголосок далекого и напряженно протекавшего когда-то процесса»*⁹ (подчеркнуто нами – АЗ.). Далее исследователь отмечает, что *«...отражение в Дастане этого запрета... свидетельствует о нерасторжимости связей эпоса с древнейшими временами...»*¹⁰ (подчеркнуто нами – АЗ.). Отметим, что запрет на внутриплеменные браки дает о себе знать и во многих других местах указанного эпоса. Следовательно, различающиеся механизмы мышления в разных культурах естественным образом могут привести и к различию ценностей, которыми живут эти культуры. Как следствие национально-этнические этноидеи таких лингвокультур не только не могут совпадать (в плане инвариантных культурных ценностей), но и могут не пересекаться: наличие инокультурных элементов так или иначе дает о себе знать в культурном наследии любого народа, поэтому речь может идти только о заимствовании, воспроизведении чужой культуры.¹¹

Не углубляясь в данную тему, было бы интересным обратиться и к другим «мелочам» истории. В этом плане уместно привести цитаты о «русах» из работ восточных исследователей. Так, в тексте анонимного сочинения *«Моджал ат-таварих»* (1126 г.) отмечается: *«Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца»* (? - выделено нами – АЗ.)¹². В таком же контексте о «русах» писал Мухаммед ибн Ахмед ибн Ийаса ал-Ханафи в своем сочинении *«Нашк ал-азхар фи гарайб аль-ахтар»* (XVI в.): *«а) Описание страны русов. Они большой на род из турок»* (выделено нами – АЗ.) (!). Страна их

⁷ См. подробно: Гашимов Э.А. Культурный код как знаковая система (лингвистический взгляд) // Материалы Международной научной конференции «Гагиевские чтения» (1-2.06.2006). Баку, 2006, с.297-303.

⁸ Абдулла К. Тайный «Деде Коргод». Баку, 2006, с.126.

⁹ См. подробно: Абдулла К. Тайный «Деде Коргод». Баку, 2006, с.122-135; Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994, с.97-113; Религиозные традиции мира. Т.2, М., 1996, с.224-236.

¹⁰ «Моджал ат-таварих». Тегеран, 1939, с.101-102 (перевод с персидского А.П. Новосельцева).

¹¹ Цитата по: Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965, с.401 (перевод текста А.П.Новосельцева; рукопись текста находится в Институте народов Азии, В-1033, лист 225).

¹² Серяков М.Л. «Голубиная книга». Священное сказание русского народа. М.: Алетея, 2001. с.340.

граничит со славянами. Они (живут) на острове, окруженном озером, и он подобен крепости, защищающей их от врагов... б) Страна русов. Это большая и обширная земля, и в ней много городов... **В ней большой народ из язычников** (? - выделено нами - АЗ.). И нет у них закона, и нет у них царя, к которому бы они повиновались...». «Затем Рус вырос и, **так как не имел места**, которое ему пришлось бы по душе, **написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться**. Рус искал и нашел себе место...»¹³.

Следовательно, **древнерусская ментализация, как мы увидели, способствовала овладению всеми ценностями не только христианской культуры, но и в большей мере языческой (скорее всего, древнетюркской, половецкой и кыпчакской) культуры**. Именно об этом пишет М.Л. Серяков: «Языческая мудрость учила человека жить в гармонии с миром. А именно эта гармония является залогом его подлинной полноценной жизни и культуры. Родившись многие тысячелетия тому назад, она неизменно помогала нашим далеким предкам **выигрывать битву за свои души, до тех пор, пока на Русь не пришло христианство**» (выделено нами - З.А.). Поэтому очень справедливо в свое время писал князь Н.С. Трубецкой: «Видеть в туранском (т.е. тюркском - З.А.) влиянии только отрицательные черты - неблагодарно и недобросовестно. Мы имеем право гордиться туранскими предками не меньше, чем предками славянскими, и обязаны благодарностью как тем, так и другим. **Сознание своей принадлежности не только к арийскому, но и туранскому психологическому типу необходимо для каждого русского, стремящегося к личному и национальному самопознанию**» (выделено нами - З.А.).

Сознание своей принадлежности не только к арийскому, но и туранскому психологическому типу необходимо для каждого русского, стремящегося к личному и национальному самопознанию

Н.С.Трубецкой

Из изложенного можно заключить, что у факторов, воздействующих на процесс становления и развития культуры, современные формы всегда опираются на былые. Национальная специфика языка по этому всегда по сути ретроспективна: поиск образа всегда обращен в проверенное прошлое, а живые инновации кажутся отходом от культуры, забвением национально-исторического опыта народа. При этом традиция как основа культуры представляет не только продолжение, но и творческое отрицание многих элементов исторического опыта, живущего в народной памяти. Однако собственно национальная окраска живет как раз этими элементами опыта, достигая максимума в специфически национальном, где этот опыт иногда оказывается замкнутым. Поэтому мы считаем, что этноэидемы - это не просто лингвокультурный знак или система произвольных знаков, а особая культура с достаточно жесткими нормами и текстуально-языковыми инструментариями, сложившимися исторически.

Источники

The article analyses the provisions, stipulated norms and common and family law on the basis of linguistic analysis of a series of Old Russian juridical manuscripts and examines aspects of influence of ancient Turkic common law norms. The subject is assessed in the context of the perception of folk memory of their own and other cultures from which they borrowed.

¹³ О туранском элементе в русской культуре. Впервые: Евразийский Временник. Непериодическое издание под редакцией П. Савицкого, П.П. Сувчинского и князя Н.С. Трубецкого. Kh.IV, Берлин, 1925. с. 376.